МАЛЕНЬКАЯ БИБЛИОТЕКА

О. ПЕРОВСКАЯ

ВАСЬКА

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1941

О. ПЕРОВСКАЯ

Манечку от Татушки 3/8 41 г.

ВАСЬКА

Рисунки
Е. РАЧЕВА

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

Мы играли в саду за домом, когда вернулись охотники. С террасы закричали:

— Бегите скорей, посмотрите, кого привезли!

Мы побежали смотреть.

По двору, описывая круги перед крыльцом, проезжали одна за другой телеги. На них были шкуры зверей, рога диких коз и кабаньи туши. Отец шагал у последней телеги, а на ней, на передке, сидел, сгорбившись и озираясь по сторо-

нам, тигренок. Да, да, самый настоящий, живой тигренок! Усталый, покрытый пылью, он ухватился когтями за край телеги и так протрясся по всему двору. А когда лошадь остановилась перед крыльцом, где стояло много людей, он испугался и попятился назад.

— Ну, вот и приехали, Васька, — сказал ему отец.

Он взял тигренка на руки и отнес его на террасу.

Тигренок был такой необычный, что мы все немножко растерялись.

— Не надо его на террасу! — закричала Наташа, самая маленькая из нас. — Там мои игрушки...

— Тигры не едят игрушек, — успокоила ее Юля. — Они только людей едят.

— Глаза у него какие большие!.. А хвост... Висит прямо до земли!

Гурьбой, толкая друг дружку, мы поднялись на террасу. Тигренок расхаживал вдоль перил. Он старательно все обнюхивал. После тряской дороги у него кружилась голова

и пол уходил из-под ног. Он шатался, как пьяный, часто садился и закрывал глаза. Но чуть только ему становилось лучше, он снова торопился обнюхивать.

С перил свешивался рукав ватной куртки. Тигренок уцепился за него лапой и сдернул вниз. Соня громко засмеялась. Он поднял голову и уставился на нее.

Теперь мы его хорошо рассмотрели. Он был с полугодовалого щенка сенбернара. У него была большая широкая голова с круглыми зелеными глазами, широкий лоб и короткие уши. Передние лапы были тяжелые и сильные, а задние гораздо тоньше. Туловище было худощавое и щуплое и хвост длинный, как змея.

— Совсем ребенок, — важно сказала Наташа.

И правда, он был ребенок. Неуклюжий, маленький, одинокий, он прижался к ноге отца и потерся об нее, как будто попросил: „Я здесь один, и я маленький, так уж ты,

пожалуйста, не давай меня в обиду".

Принесли чашку с теплым парным молоком. Тигренок налакался и оглянулся с довольным видом. На душе у него, видно, стало веселее. Он еще раз обошел террасу, перелез через порог и пошел в столовую. Мы почтительно двинулись за ним.

В столовой тигренок тоже обнюхал все вещи, взобрался на низенький диван, растянулся на нем, откинул гордо хвост на валик дивана и прищурился на яркий свет лампы.

Тигренку после сытной еды очень хотелось спать. Но он не засыпал, а все время шевелил усами.

Стол накрыли для ужина, и в комнату вошел отец. Тигренок обрадовался, вскочил на диване и потянулся к нему с каким-то ласковым мурлыканьем, очень похожим на тихое покашливание: „Ахм-хм-гм".

— Ишь ты, слыхали? Засмеялся от радости, — сказала Наташа.

Отец погладил тигренка. Он опять улегся на место и задремал под шум разговора.

За ужином мы все узнали про тигренка. Звали его Васька. Его поймали далеко, за сотни километров от нашего дома. Ваське пришлось вынести длинный, тяжелый путь. Почти половину дороги ехали на верблюдах. Васька ехал в большой корзине. От качающей верблюжьей походки бедному Ваське становилось плохо. Его рвало, у него начинала итти носом кровь. Тогда отец слезал и нес тигренка на руках.

На привалах они укладывались спать рядышком. И тигренок так сдружился с отцом, что ни за что ни на минутку не соглашался без него оставаться.

Ужин кончился. Все разошлись на отдых. В столовой потушили лампу.

Васька крепко спал на диване и ничего этого не слышал. Но как только в доме все затихло, он проснулся и поднял голову.

Темно... Тихо... И рядом с Васькой нет никого...

И вот этот „страшный“ тигр соскочил с дивана, забегал по комнате, натыкаясь на стулья, и заорал с перепугу: „Баум! Ба-а-ум!.. Ба-а-а-ум!..“

Отец и мама услышали его отчаянные крики, но они думали, что он покричит-покричит и успокоится. Но Васька не унимался. Сначала он кричал зло и сердито, потом все жалобнее и подконец стал умоляюще звать отца дрожащим от страха голосом. И мамино сердце не выдержало. Она зажгла свет и пошла вместе с отцом за тигренком.

Васька страшно обрадовался. Бросился к отцу, обхватил лапами его ноги и стал их лизать и тереться о них головой. Ну, конечно, его взяли к себе в спальню. Привязали на длинную цепочку под столиком, на котором стояла швейная машина, подостлали ему мягкий войлок. Васька улегся и крепко, спокойно уснул.

Прошло несколько дней. Казалось, что Васька всегда жил с нами: так все к нему привыкли.

И какой же славный характер был у него! Он никому не надоедал, не вертелся под ногами, не мешал. Целыми днями он играл в саду или хозяйственно обходил двор, конюшню и разные закоулки. А если устанет, придет в столовую, растянется на своем диване и поспит.

Васька в точности знал время своего обеда. Бывало только начнут ему наливать молоко или разбивать в миску яйца, а он уж тут как тут, идет из сада.

— Вот, Наташа, учись! Васька — и тот умеет узнавать время по часам, а ты до сих пор не можешь научиться, — дразнили мы младшую сестренку.

Кроме яиц и молока, Васька получал тот же обед, что и все в доме.

А как занятно он ел суп с пельменями или клецками! Повылавливает зубами все клецки и разложит

их рядком около миски, вылакает жидкий суп, а потом, на закуску, ест клецки.

Во время еды Васька свирепел. Ложился на пол, клал лапы по обе стороны миски, и тут уж не подходи! Раз сестра сунулась поправить ему что-то. Васька рявкнул в миску, подавился и тяжелым ударом когтей рассек сестре руку.

Собаки были осторожнее нас и сами избегали подходить к тигренку, когда он ел. Один только дворняга Майлик отваживался соваться к нему в миску, и Васька, правда с ворчанием, позволял ему это.

Два месяца прошло с тех пор, как Васька сделался членом нашей семьи. Он заметно рос, набирался сил и уверенности. Движения его были еще по-детски неуклюжи, но иногда, особенно когда Васька подкрадывался, становились вдруг очень быстрыми и ловкими.

Шерсть у Васьки блестела и лоснилась, как бархат. Она была

золотисто-красного цвета с яркими черными полосами. Полосы доходили до живота. Живот был светлосерый, без полос.

Васька стал гладким и откормленным. Приятно было на него смотреть. Целый день он умывался и лизал свои лапы и живот, отряхивался и прихорашивался. В такие моменты он очень напоминал кошку.

В саду вырыли круглую яму около метра глубиной и шириной. Маленький ручеек почти до краев наполнял ее водою.

Приходила мама с мылом и щеткой. Отец приносил ведро или кружку, и появлялся Васька с целой оравой ребят.

Он очень любил купаться и этим совсем не походил на кошек.

Ваську поливали из кружки и намыливали зеленым мылом. Потом он лез в яму, становился в ней на задние лапы, а передние протягивал отцу, и начиналось мытье. Его терли щеткой и руками, обливали, полоскали, а он, торжествуя, стоял в

яме и сопел от удовольствия. Когда мытье кончалось, он выбирался на траву, отряхивался, катался и прыгал на солнышке.

Много было с ним возни и хлопот, но зато какой он вырастал красивый!

—

Со всего города, из окрестных станиц и даже с гор приезжали люди поглядеть на нашего тигренка. Они звонили у ворот — мы бежали и отодвигали палку-засов.

— У вас, говорят, ручной тигр имеется? Можно посмотреть? Мы заплатим, если нужно, за посмотрение.

Нам сначала очень хотелось, чтобы они давали нам копейки. Один раз мы набрали так два рубля: по пятаку брали с человека. Но отец рассердился и не позволил нам брать денег, а только требовал, чтобы смотрели издали, не гладили Ваську и ничем его не угощали.

Нам нравилось, что взрослые люди спрашивали у нас позволения.

— А сколько вас, много? Ну, ладно, станьте вот здесь, у ворот. Мы его сейчас позовем. Только смотрите не гладьте и не давайте ему ничего, когда он придет.

— Хорошо, мы всё будем делать, как вы велите.

Они становились, как мы показывали, и всем было очень интересно.

Васька важно выходил из сада к посетителям.

В первый миг они всегда шарахались в сторону, а он удивлялся и оглядывался на нас.

Мы успокаивали их:

— Ну что же вы испугались? Он ведь совсем ручной. Смотрите, он какой...

Мы клали ему в пасть руки, гладили по голове, за ушами и под подбородком. Поднимали его тяжелую лапу и показывали зрителям ладонь.

— Глядите, — говорили мы, — все когти поджаты, и ничего такого нет, чтобы бояться.

Они смотрели на Ваську и не могли насмотреться. Потом он так им начинал нравиться, что они непременно хотели его погладить.

— Нет, — говорили мы, — погладить никак нельзя, потому что нам за это достанется.

— Ну, не достанется.

— Нет, обязательно достанется.

Но они всё приставали до тех пор, пока мы не прибавляли нарочно:

— И потом, кто его знает, ведь он же все-таки тигр. А вдруг вцепится — тогда что мы будем делать?

После этого они сразу переставали просить.

Мы, все четыре сестры, так ловко ухитрились родиться, что наши дни рождения приходились один за другим.

В день рождения все-таки ведь полагается испечь пирог, позвать гостей и чтобы целый вечер был шум. Ну, и подарок какой-нибудь тоже надо. Один раз — это еще ни-

чего. А вот когда нужно четыре раза подряд печь пирог и четыре вечера устраивать шум, тогда это уж слишком. Мама от этого уставала и сердилась. Вот мы и решили: соединить все наши рождения в один день, но зато уж чтобы в этот день и пирог, и гости, и шум — все было как следует.

Накануне этого торжественного дня мы старательно помогали маме: подметали двор и сад, мыли полы, взяли на себя самую трудную часть стряпни — заботу о нашем сладком пироге. Мы так сильно о нем беспокоились, что все время пробовали начинку. Когда ее осталось меньше половины, мама сказала:

— Ну хорошо, довольно помогать. Теперь я без вас справлюсь. Ложитесь спать.

А еще позднее, когда мы уже крепко заснули, она тихо вошла в комнату и каждому под подушку положила подарок. Потом и она заснула.

Утром мы все, как только от-

крыли глаза, сейчас же полезли смотреть под подушку. И каждая нашла именно тот подарок, какой ей больше всего хотелось: Соня — толстую книгу про всех животных — Брэма, я — кукольный театр, Юля — ящик с красками для рисования, а Наташа — игру „Скотный двор“.

Мы разложили подарки, стали рассматривать их и восхищаться. Мама тоже радовалась вместе с нами.

А в это время к нам пришел гость. Двери с крыльца у нас были открыты, и никто не слыхал, как он вошел в столовую. Это был сослуживец отца. Он подошел к накрытому столу, полюбовался на наши пироги и прочел румяную надпись из теста: „С днем рождения, детки!“

— Ах, вон как! У них сегодня праздник, — сказал он сам себе.

Гость был маленький, щупленький человечек, но держал он себя очень важно.

С нами он здоровался только двумя пальцами и при этом страш-

но задирал кверху очки. Мы его не любили и потихоньку подсмеивались над ним.

Маленький и важный человечек стал разгуливать по комнате, напевая песенку. От его носового платка шел запах крепких духов.

Вдруг кто-то совсем близко от него с отвращением сказал: „Ф-фу!“

Он оглянулся. Батюшки, кто это?

А это был Васька. Он очень не любил запах цветов и духов. Он сел на диване, понюхал еще раз — фу, как нехорошо! У него даже морда скривилась. Язык сам собой высунулся, а вокруг носа сделались морщинки.

Бедный гость растерялся. Как хотите, а это же не шутка: сидит в двух шагах не птичка какая-нибудь, даже не собака, а настоящий тигр и строит тебе гримасы...

Васька снова чихнул и замотал головой. Дикому зверю никогда не понять, зачем это люди так резко пахнут. Звери, наоборот, стараются

пахнуть как можно меньше, чтобы их не учуяли враги.

Гость с тоской поглядел на дверь: эх, хорошо бы сейчас удрать отсюда!

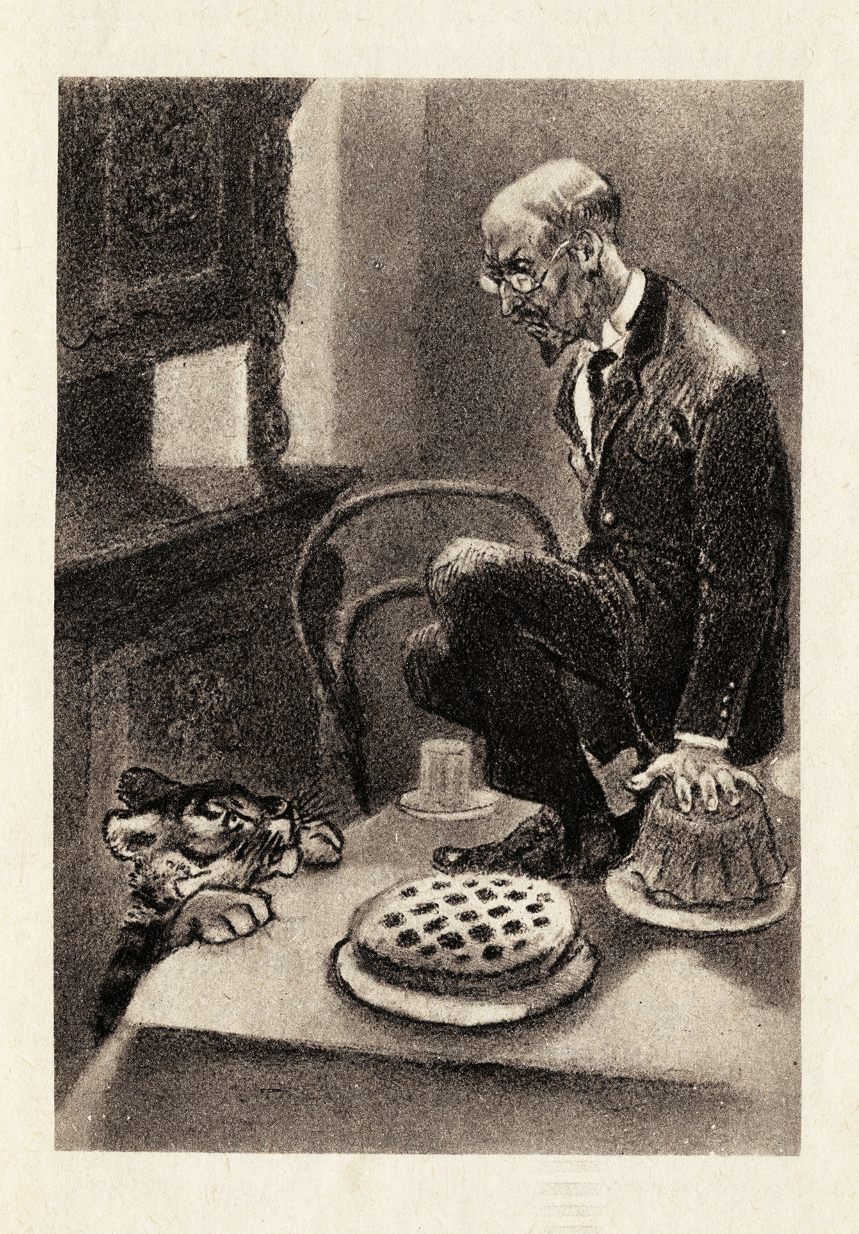
А Васька тем временем начал догадываться: должно быть, этот „мальчик" хочет с ним поиграть. Он слез с дивана, подошел и гмыкнул, как будто спросил: „Ну, хорошо. А как будем играть?"

Гость вздрогнул. Васька попятился. Его тоже начинали разбирать опасения. Человек вел себя очень странно: вздрагивал, не заговаривал ласково с Васькой, как это делали все остальные... Тигренок забрал одну лапу, другую, попятился к двери и стал на пороге.

— Ко-оше-чка, ми-лая! — заикаясь, пролепетал гость. — Уйди, милая, уйди!

Он махнул носовым платком. Васька чихнул. Гость кинулся за стол.

Ну, наконец-то „мальчик" перестал топорщиться и заиграл!

Тигренок весело запрыгал вслед за ним. Гость взвился на диван — Васька за ним. Гость прыгнул с дивана на стол и присел между пирогами. На минуту Васька потерял его из виду.

Вот тебе и раз! Так славно было разыгрались, и вдруг этот „мальчик“ исчез куда-то.

Васька поднялся на задние лапы, положил передние на край стола и заглянул. Ах, вот он где! Сидит на столе и ждет Ваську.

Тут тигренок от радости принялся выделывать такие замысловатые прыжки, что у бедняги гостя зашевелились волосы на голове. Он потерял всю свою важность и отчаянно, как утопающий, завопил:

— Ка-ра-ул! Помогите! Спасите!..

Мы услыхали эти вопли и, страшно перепуганные, кинулись на помощь. Влетели в столовую — и остолбенели: на праздничном столе, прямо между нашими сладкими пирогами, скорчился зеленый от страха гость.

Он в ужасе таращил глаза на пол, как будто оттуда на него надвигался разъярившийся мамонт. А там всего-навсего сидел Васька и топорщил от смеха усы.

—

Всю весну, лето и осень мы холили и пестовали Ваську. А когда листья на деревьях облетели и сад опустел, заметили, что Васька стал большим.

Диван, если Васька растягивался во всю свою длину, становился для него уже мал.

Детские забавы он постепенно менял на другие: слежку, борьбу, прыжки.

Замашки настоящего тигра у него проглядывали и раньше: он очень любил подкрадываться, подкарауливать разных животных и птиц. С возрастом эти замашки становились все резче и заметнее.

Особенно любил он стащить с кровати подушку, выкусить у нее угол и потом ударить по ней лапой: перья облаком летели во все сто-

роны, и тогда можно было с силой зажать подушку в зубах и рычать.

Получалось полное впечатление охоты на дикую птицу. Мы сбегались на рыканье и заставали Ваську на месте преступления: подушка на полу, Васька на ней, и морда у него в пуху.

— Зубы у него чешутся, что ли?—ворчали мы, то и дело спасая от него разные вещи.—Ведь ни за что не пройдет спокойно: все ему нужно таскать в зубах и рвать.

И мы придумали выход: подарили Ваське игрушку—стоптанный маленький валенок. Мы возили валенок за веревку, а тигренок ловил его, как кошка мышку. Поиграв, мы оставляли валенок в Васькиных зубах, и он служил затычкой Васькиной пасти. С валенком в зубах Васька не портил других вещей.

Мы попрежнему беззаботно играли со своим другом, но старшим все чаще приходило в голову, что жизнь Васьки скоро должна измениться.

Однажды начальник нашего города вызвал к себе отца и объявил, что ему не разрешается больше держать тигра на свободе и он должен посадить его в клетку, а пока клетка не будет готова, привязать на цепь.

Пришлось исполнить все, как было приказано.

Первое время Васька никак не мог примириться с неволей и оскорбленно кричал: „А-ам, ахм, баум, баум!..“

Морда у него была такая расстроенная, что хотя и было условлено, что его отпускать не будут, но мы потихоньку от взрослых, а взрослые потихоньку от нас отвязывали его.

Проходили дни за днями, а клетки все не было.

На большую, надежную клетку у нас нехватало денег, а заказывать плохую и тесную не имело смысла: все равно мы бы стали выпускать из нее Ваську.

Отец ждал новых неприятностей

от начальника города и ходил хмурый и сердитый. А тут, как нарочно, выискался один торговец — он поставлял диких зверей в зоологические сады. Вот он и пристал: продайте да продайте...

— Я буду его хорошо кормить, построю большую клетку. Ему будет у меня прекрасно. Сможете приходить к нему в гости.

Отец и мать долго крепились. Очень уж им не хотелось расставаться с Васькой. Но кормить его было дорого, и потом недовольство соседей, которые начали придираться к Ваське, и еще многое другое заставило их наконец решиться.

Мы сначала не поверили, что Ваську скоро от нас увезут. А потом подняли такой крик, что родители прогнали нас в сад. Туда же, в сад, явился и хитрый торговец. Он стал угощать нас конфетами, приглашал нас в свой зоологический сад и говорил, что очень любит зверей.

Кроме того, он просил нас рас-

сказать ему про Васькины привычки и научить его, как надо обращаться с тигренком.

Мы сначала не желали даже разговаривать с ним, но потом понемногу стали его научать, как кормить, как купать Ваську и как ухаживать за ним. И все время мы подозрительно к нему приглядывались и брали с него бесконечное число клятв, что он будет Ваську любить.

— Да, впрочем, очень ему нужна ваша любовь! — „вежливо“ прибавляли мы тут же и уходили, чтобы погоревать на просторе.

———

И вот наступил грустный час.

Осенним пасмурным днем, когда над голым садом без конца кричали стаи галок, во двор со скрипом въехала телега. На телеге была железная клетка.

Отец подшучивал над матерью, но у него самого дрожали руки, когда он отвязывал Ваську. Тигренок, испуганно прижимаясь к его ногам, взошел с ним по доске в

клетку. Отец вышел и захлопнул дверцу. Васька рванулся за ним, закричал и стал биться о прутья. Потом, жалобно мурлыча, просунул между ними лапы и протянул их отцу. Все домашние стояли вокруг молча, потрясенные Васькиным отчаянием.

Весть о том, что Ваську увозят, дошла как-то до нас. Мы побросали игрушки, вылетели во двор, остановили тронувшуюся было телегу и прижались лицами к прутьям клетки.

— Васька! Милый Васька! — твердили мы дрожащими голосами, а Васька из клетки отвечал нам: „Уфф, уфф...“

У мамы на глазах были слезы. А мы, как только телега двинулась, схватили свои пальтишки и, держась за ее края, отправились провожать Ваську на его новую квартиру.

Там мы хлопотали до позднего вечера. Смотрели, как устанавливали огромную новую Васькину клетку. Потом сами мыли в ней пол и насухо протирали его чистыми тряп-

ками. Сено для подстилки мы хорошенько перетрясли и сбегали домой за привычным Васькиным войлочком. Насчет миски мы сказали, чтобы мыли ее получше, а то Васька не станет есть из нечистой посуды. И все, что ему при нас приносили, мы очень внимательно проверяли.

Наконец все было осмотрено и устроено. Васька был хорошо накормлен, и спать ему будет тепло и удобно. Пора было и нам возвращаться домой.

Мы все погладили нашего друга, взяли по очереди в свои руки его большую тяжелую лапу, крепко-крепко ее потрясли и сказали:

— Не скучай, Васька. Завтра утром, чуть свет, мы опять прибежим к тебе!

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор *Э. Эмден.* Подписано к печати 5/IV 1941 г.
$2^1/_4$ печ. л. (1,63 уч.-изд. л.). 13 524 зн. в печ. л. Тираж 200 000 экз.
А36714. Заказ № 615.
Цена 55 коп.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ.
Москва, Сущевский вал, 49.

Цена 55 коп.